

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения

ИСЛАМ

на территории
бывшей
Российской
империи

Энциклопедический
словарь

Выпуск 3

Москва

Издательская фирма «Восточная литература» РАН

2001

изолированных сельских мусульманских общин. Движение не представляло собой единой централизованной силы, было связано с «народным исламом» и ориентировано прежде всего на максимальную изоляцию от официальных властей. В идеологии движения доминировало представление об *имаме* как автономно избираемом главе мусульманской общины. А. составили основу религиозных и интеллектуальных слоев татарского общества в период, когда в Российском государстве ислам подвергался прямым гонениям. Они были идеологической силой, стоявшей за выступлениями мусульман в защиту своих прав.

К XIX в. происходит постепенная локализация движения А. в периферийных районах компактного проживания татар-мусульман и его частичная трансформация в ишанизм. С движением А. связана также идея возрождения «града Булгара» — идеального мусульманского государства в Волго-Уральском регионе. Она нашла отражение в воззрениях участников восстания Батырши (1755 г.) в Башкирии, в высказываниях *муллы* Мурада, Х.Муслими и Г.Чокряя. В результате изменения политики государства в отношении религий народов России, становления системы национального религиозного образования у татар в первой половине XIX в. движение А. сошло на нет.

Лит-ра: Г.Рэхим, Г.Газиз. Татар эдэбияты тарихы: Феодализм дэвэре. Казан, 1925; М.Гэйнетдинов. XVII йөздэ татар янарыш хэрэкэте // Казан утлары. 1976, № 7, 170–186, № 8, 102–115; Ш.Мэржани. Эл-кыйсме эс-сани мин китаби мостэфед эл-эхбар фи эхвали Казан ве Болгар. Казан, 1900, 190; Ш.Мэржани. Мостэфед эл-эхбар фи эхвали Казан ве Болгар. Казан, 1989, 242–243; Р.Фэхретдин. Асар. 1 жюзья. Казан, 1900, 29.

А. Хаб.

Адат (араб. *'ада*, мн. ч. *'адам* — «обычай») — у мусульман Кавказа, как и в других регионах исламского мира, комплекс традиционных сложившихся местных юридических и бытовых институтов и норм, не отраженных в *шари'ате*. Употребляется в трех основных значениях: обычное право, суд по обычному праву, неправовой обычай. В ходе постепенной исламизации региона в VII–XVIII вв. понятие А. из арабского языка (через персидский и тюркские) вошло в общественно-политическую и правовую лексику кавказских народов. В письменных источниках на Кавказе и устной речи местных мусульманских народов встречаются менее употребляемые синонимы А. на арабском (*'урф*, *расм*, *хакк*, *'адл*), тюркских (*торе*) и кавказских языках (авар. *батль*, дарг. *зега*, чечен. и ингуш. *кхел* и многие другие).

Древнейшие юридические памятники А. обнаружены в арабской эпиграфике Нагорного Дагестана. Это надпись 718/1318–19 г. на стене мечети даргинского селения Худуц, стела 757/1356 г. перед входом в соборную мечеть лезгинского селения Курах и надпись XIV в. из даргинского селения Ашты. Это решения местных

мусульманских судов (араб. *махкама*, *диван*) по поземельным делам. Худуцкая надпись содержит ряд уголовных норм, касающихся кровомщения. В дагестанских арабоязычных рукописях XV–XIX вв. сохранились копии постановлений по поземельным делам согласно А., а также своды уголовных, поземельных, хозяйственных и межобщинных норм обычного права. Это кодексы А., записанные по инициативе союзов сельских общин («вольных обществ») — Гидатлинские А. (XVII в.) — или по приказу местных мусульманских правителей — А. кайтагского *уммы* Рустем-хана и аварского *нуцала* Умма («Умма-хана Справедливого» (XVIII в.)). На Северо-Западном Кавказе первые известные записи уголовных и гражданских норм А. сделаны в XVII–XVIII вв. османскими и российскими властями.

В первой половине XIX в. российские военные начали составлять своды А. со слов его знатоков. В 1825 г. были письменно зафиксированы нормы А. в Кабарде, в 1843 г. подготовлен сборник А. Чечни и Малой Кабарды, в 1845 г. записаны А. Адыгеи. В 1865 и 1866 гг. подобная работа была проведена в горных округах Дагестанской области. В ее осуществлении большую роль сыграл будущий генерал-губернатор Дагестана А.В.Комаров. Со второй половины XIX в. началось этнографическое изучение кавказского А. Основная масса полевых материалов была собрана в XX в. В советское время особое внимание уделялось неправовым обычаям. В созданные таким образом сводные описания А. вкрались серьезные ошибки. Главные из них — ложное утверждение о бесписьменности кавказского А., игнорирование его локальных различий, подмена местных юридических понятий российскими. В этнографических описаниях плохо отражены правовая и особенно судебная сферы применения А.

Несмотря на существенные различия в местной юридической практике мусульман Восточного Закавказья, Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа, можно выделить ряд общих черт А. в регионе. До русского завоевания источником обычного права был прецедент. А. опирался на решения судьи (*хаким*), сельского суда (*махкама*) или схода (араб. *джама'ат*, адыг. *хасэ*), третейские соглашения (*маслихат*, от араб. *маслаха*; адыг. *кхезж*). По форме суд был прост, в нем не было ни обвинителей, ни защитников. Кроме дел по изнасилованиям и оскорблениям женщин, иски разбирались гласно на центральной площади селения или в мечети. Процесс всегда носил обвинительный характер. Судоговорение проходило на родном языке, но постановления А. на Северо-Восточном Кавказе и в Закавказье записывались только на арабском. Чтобы придать документу юридическую силу, в нем часто приводили имена свидетелей (араб. *шухуд*, ед. ч. *шахид*), *айаты* Корана, реже участники процесса ставили свои печати и подписи. Документы А. хранились в библиотеках мечетей и местных правителей. Наиболее важные из них выбиты на стенах общественных зданий. На Северо-Западном Кавказе до позднего средневе-

ковья приговоры судов по А. обычно сохранялись изустно. С конца XVIII в. официальным языком А. здесь стал русский.

А. исходил из представления о коллективном характере преступления. Субъектом права в нем выступал не отдельный человек, а общественная группа, участвующая в выработке норм А., — семья и клан (*мухум, тайн*), селение или союз селений, реже — *ханство* или другое политическое образование. Согласно А. любое правонарушение наносило ущерб всему местному обществу. Поэтому клан ответчика был обязан возместить убытки, причиненные клану пострадавшего. В некоторых районах вместе с убийцей-кровником (тюрк. *каулы*) изгоняли и его семью. Был широко распространен обычай *ишкиль* — захват имущества в обеспечение долга. Существовал обычай очищения подозреваемого в преступлении совместной присягой его наиболее достойных родственников или односельчан. Присягу приносили на Коране или клялись в случае установления лжесвидетельства развестись с женой (*хатун талак, кебин талак*). Число соприсягателей в зависимости от серьезности дела колебалось от двух человек до нескольких десятков.

А. был исключительно локальным правом. За пределами «своего» общества он терял юридическую силу. Под угрозой высоких штрафов горцам запрещалось обращаться в суд по А. «чужого» общества вне зависимости от того, принадлежало ли оно к мусульманам или нет. Наказание согласно А. основывалось на системе композиций — возмещении физического или имущественного ущерба штрафами (*фидйа*), выплачиваемыми скотом, зерном или деньгами. Размер штрафа зависел от пола, возраста и общественного положения потерпевшего. Наивысшими были пени за ущерб, нанесенный взрослым мужчинам из высших местных сословий — князьям (*пши*) и дворянам (*тлекотлеш*) в Кабарде, *ханам* и *бекам* в Дагестане, свободным общинникам (*уздень*) в Чечено-Ингушетии. Виновные в тяжелых правонарушениях, задевавших честь местного общества, кроме пени потерпевшему платили еще и штраф в пользу сельской мечети или местного правителя. Убийство по А. каралось кровомщением и выплатой «цены крови» (араб. *дийа*). Разрешалось убивать и расхищать имущество отца- и матереубийц, воров и прелюбодеев, застигнутых на месте преступления, а также лиц, изгнанных из местного общества и объявленных вне закона.

Неправовые обычаи кавказских мусульман касались в основном правил поведения в семье, обрядов, одежды и блюд народной кухни горцев. Они обнаруживают еще меньше сходства. Как и в правовой области, здесь выделяются три территориальные разновидности кавказского А. — закавказская, северо-восточная и северо-западная. Многие доисламские бытовые нормы А. (почитание стариков, сегрегация полов, клановая и аульная эндогамия, обрезание) не противоречили *шари'ату* и мирно уживались с ним после перехода горцев в ислам. Обычай, расхивившие

ся с предписаниями *шари'ата*, вызывали критику со стороны мусульманских ученых ('*улама*') и юристов (*фукаха*'). Однако, поскольку процесс исламизации растянулся на Кавказе более чем на тысячу лет, изживание доисламского бытового А. шло крайне медленно. Еще в начале XIX в. в Северо-Западном Дагестане и Чечне *имаму* Шамилю приходилось вводить шаровары в женскую одежду, запрещать употребление порицаемых *шари'атом* мясных блюд и алкогольных напитков (*буза*), игру на музыкальных инструментах (барабан, бубен, *зурна, чагана*). Подобные нарушения бытовых правил *шари'ата* вплоть до XIX — начала XX в. встречались и в А. мусульман Северо-Западного Кавказа.

Борьба и взаимное приспособление исламских и неисламских норм определили развитие правового А. на Кавказе. Одни и те же суды (*махкама, тюре, кхел, хасэ*) рассматривали судебные иски и по обычному, и по мусульманскому праву. В руках местной мусульманской элиты (князей-*пши, ханов* и *беков, реже — кади*) была сосредоточена судебная, законодательная и исполнительная власть. Более того, при разборе уголовных, поземельных и семейных дел нормы А. порой смешивались с предписаниями *шари'ата*. Ахмад ал-Иамани, Мухаммад ал-Кудуки и другие известные *факихи* XV–XVIII вв. пытались запретить противоречащие *шари'ату* домульманские обычаи — *ишкиль*, трехдневный грабеж имущества кровника, право родственников убитого выбрать себе кровника, если личность убийцы установить не удалось (*джизга*). Однако, несмотря на все усилия, полностью искоренить их долго не удавалось. Время от времени *кади* вынуждены были разрешать применение *ишкили* по отношению к «чужим» обществам. В некоторых районах Нагорного Дагестана сохранился правовой обычай *джизга*.

До русского завоевания развитие местного права у мусульман Кавказа шло в форме рецепции норм *шари'ата* в А. На сельских сходах принимали постановления о переходе к мусульманскому праву (*фикх*) при разборе определенных категорий судебных дел. Пик этого процесса в Восточном Закавказье и Южном Дагестане пришелся на X–XII вв. В Центральном Дагестане исламизация обычного права была в основном завершена к XV–XVI вв. На северо-западе Дагестана и в Чечено-Ингушетии это произошло гораздо позже, в течение XVIII в., а в Кабарде, Адыгее и Абхазии только в самом конце XVIII — первой трети XIX в. Ко времени присоединения Кавказа к России сферы применения законов А. и *шари'ата* были относительно разграничены. Первый обычно использовался при решении уголовных дел и поземельных тяжб по поводу общинных владений (араб. *харим*). В ведение *шари'ата* перешло гражданско-семейное и отчасти поземельное право (частносемейная и мечетная собственность — *мулк* и *вакф*). При этом мусульмане-ши'иты Восточного Закавказья следовали предписаниям джа'фаритского *мазхаба*, на Северо-Восточном Кавказе с XII–XV вв. господствовал шафи'итский, а на Северо-Запад-

ном Кавказе и среди ногайцев — ханафитский толк *фикха*.

Государственные реформы, начавшиеся на Кавказе в XIX в. и с некоторыми перерывами продолжающиеся поныне, определили дальнейшую судьбу обычного права и суда согласно А. Первую попытку кодификации А. в 1837–1847 гг. предпринял *имам* Шамиль (1834–1859). На подвластных ему территориях Нагорного Дагестана, Чечни, Кабарды и Адыгеи была создана единая трехступенчатая иерархия судов (*махкама*), решавших дела по *шари'ату* и А. Над сельскими *кади* были поставлены *муфтии набиств* (от араб. *на'иб* — «глава», «управитель») — основных административных единиц *имамата*. Высшей судебной властью обладал сам *имам*, принимавший апелляции на решения местных судов. Изданные Шамилем *фатвы* и постановления собиравшихся при нем Советов местных *факихов*, известные как Низам Шамиля, последовательно проводили линию на искоренение противоречащих *шари'ату* уголовных и гражданско-семейных норм А., установление равенства всех мусульман перед законом, развитие понятия об индивидуальной ответственности за совершение преступления. При Шамиле продолжалось принятие новых правовых норм А.

После разгрома *имамата* российские власти провели на Кавказе новые судебно-правовые реформы. В 1860 г. для кавказских мусульман было учреждено военно-народное управление. Его центр располагался в Тифлисе. Во главе бывших *ханств* или «вольных обществ», превращенных в округа и участки, были поставлены российские офицеры, обязанные судить при помощи прежнего административного аппарата «по народным обычаям» (т.е. согласно А.). Были запрещены лишь некоторые противоречившие уголовным законам Российской империи нормы А. (кровавая месть, *шикиль*, *джигка*). Полностью осуществить эти реформы в Кубанской и Терской областях, а также в присоединенных к России в 1878 г. Карсской области и Батумском округе Кутаисской губернии в Закавказье помешал массовый выезд (*мухаджирство*) мусульман Северо-Западного Кавказа и Закавказья в Османскую империю и заселение их земель выходцами из России. В полную силу военно-народное управление действовало в 1860–1917 гг. только на большей части территории Дагестанской области, где была создана единая иерархия сельских словесных, окружных и Дагестанского народных судов. Продолжали приниматься и записываться новые правовые нормы А.

На советском Кавказе государство стало бороться с обычным правом, видя в нем «реакционный феодально-патриархальный пережиток», орудие классового и колониальной эксплуатации горцев-мусульман, унаследованное от «старого режима». Уже в 1918 г. словесные и народные суды были заменены *шари'атскими*, а во второй половине 20-х гг. — советскими народными. Первоначально были разрешены медиаторские суды, земельные и примирительные комиссии, судившие поземельные споры и кров-

ную месть согласно местному А., но к началу 30-х гг. они повсеместно были запрещены. В 1928 г. на Северный Кавказ было распространено действие X главы Уголовного кодекса (УК) РСФСР «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта». Эта глава сохранилась в последующих изданиях УК РСФСР вплоть до УК 1960 г. Аналогичные разделы вошли в УК Азербайджанской и Грузинской ССР. Обращение к правовым нормам А. наравне с криминальным и *шикилем* (*барамта*) приравнивалось к тяжелым уголовным правонарушениям.

На рубеже 50–60-х гг. государственная политика по отношению к правовым и неправовым А. вновь изменилась. Советская власть попыталась опереться на «полезные национальные А.». В 1957–1962 гг. при возвращении на Северный Кавказ насильно депортированных в 1944 г. чеченцев и ингушей кровников вызывали в восстановленные в эти годы примирительные комиссии и брали с них подписку о прекращении вражды. В 60–80-е гг. во всех северокавказских автономиях при сельских, а в некоторых местах и районных советах были созданы советы старейшин. Их задачей было помогать народным судам и сельсоветам в поддержании общественного порядка в колхозах и совхозах, урегулировать столкновения между его членами, по возможности предупреждать случаи кровной мести, следить за поддержанием в порядке дорог, оросительных каналов, сельских клубов и не допускать расхищения колхозной собственности.

В 90-е гг. власти северокавказских субъектов Российской Федерации перешли к политике возрождения местного А. Этой задаче должны служить республиканские законы «О сельской общине», «О сельском самоуправлении» и «О третейских судах», принятые в 1995–1997 гг. в Адыгее, Дагестане, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии-Алании. В декабре 1997 г. ингушский президент Р.Аушев подписал «Закон о мировых судьях», согласно которому разрешено использование обычного и мусульманского права при разборе мелких уголовных и гражданских правонарушений. Созданные в это время национальные партии и движения не раз пытались использовать нормы А. для урегулирования межэтнических конфликтов. В 1995 г. в Дагестане создано движение Маслиат (от араб. *маслаха* — «примирение»). В Махачкале издается одноименная газета. Однако пока попытки реанимировать кавказский А. как самостоятельную систему права не принесли ожидаемых результатов. Ни властям, ни общественным организациям не удалось создать дееспособные суды по А. и смягчить криминальную обстановку, резко обострившуюся после распада СССР в 1991 г.

История развития А. и особенно взаимоотношений между обычным и мусульманским правом на Кавказе пока еще плохо исследована. Большая часть источников не введена в научный оборот. С арабского языка на русский переведены и опубликованы отдельные своды и единичные судебные постановления по А. Северо-Восточного Кавказа. Абсолютно не изучены осман-

ские архивы, касающиеся судебной практики А. на Кавказе до русского завоевания и у переселенцев (*мухаджиров*) в Турции. В то же время в XIX–XX вв. были собраны немаловажные архивные и полевые материалы, касающиеся самых различных областей А. Крупнейшие собрания документов по А. находятся ныне в Рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН и Центральном государственном архиве Республики Дагестан в Махачкале, Центральном государственном архиве Кабардино-Балкарской Республики в Нальчике, Центральном государственном историческом архиве Республики Грузия в Тбилиси, Российском государственном военно-историческом архиве в Москве, Петербургском отделении Архива РАН в С.-Петербурге. Немало арабских рукописей XVI–XX вв., касающихся А., хранится в частных и мечетных собраниях Нагорного Дагестана.

Лит-ра: 'Адат карйат Глох. Байан 'адат 'Урада. Дафтар карйат Хучада. Дафтар Мачада. Хаза байан расм карйат Хучада // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1658; *Б. Далгат*. Обычное право и родовой строй народов Дагестана // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 22; *А. В. Комаров*. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Тифлис, 1868, I, 1–88; *Ф. И. Леонтович*. Адаты Кавказских горцев. Одесса, 1882, 1–2; *М. М. Ковалевский*. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890, 1–2; Адаты Дагестанской области и Закавказского округа. Тифлис, 1899; *М. Алибеков*. Адаты кумыков. Махачкала, 1927; Кодекс Умму-хана Справедливого. Махачкала, 1948; Материалы по обычному праву кабардинцев. Сост. *Б. А. Гарданов*. Нальчик, 1956; Гидатлинские адаты. Махачкала, 1957; Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. Сост. *Х. М. О. Хашаев*. М., 1965; *Лавров*. Эпиграфические памятники, I, 118, 196–199, 287; Из истории права народов Дагестана. Материалы и документы. Махачкала, 1968; *Х. М. О. Хашаев*. Пережитки шарията и вредных адатов и борьба с ними. Махачкала, 1957; *Р. М. Магомедов*. Адаты дагестанских горцев как исторический источник. М., 1960; *Х. Д. Гаглоев*. Из истории судопроизводства у осетин // Известия Юго-Осетинского НИИ АН Грузинской ССР. Цхинвали, 1964, 13; *А. С. Осмаров*. Система композиций в обычном праве Дагестана // УЗ ИИЯЛ. 1966, 6; *Шихсаидов*. Эпиграфические памятники, 82–87, 374–376; *В. М. Викторин*. Социальная организация и обычное право ногайцев Нижнего Поволжья (XVIII — начало XX в.). Автореф. канд. дис. Л., 1985; *Р. З. Куадже*. Социальные отношения и их отражение в неписаном феодальном праве Адыгее (Черкесии) XVIII — первой половины XIX в. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1988; *М. А. Агларов*. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. М., 1988, 155–190; *Х. М. Думанов*. Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Нальчик, 1990; Дагестанские исторические сочинения. Сост. *А. П. Шихсаидов*, *Т. М. Айтберов*, *Г. М. -Р. Оразаев*. М., 1993, 98–103, 118–120, 183–184; *В. Х. Кажаров*. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII — первой половине XIX в. Нальчик, 1994, 201–316, 402–427; *В. О. Бобровников*, *М. Ю. Рошчин*. Человек, природа и общество в горном дагестанском ауле (по материалам хуштадинского адата) // Дагестан: село Хуштада. М., 1995, 115–131; *В. О. Бобровников*. Колхозная метаморфоза адата у дагестанских горцев (на примере багулал) // Homo juridicus. Под ред. Н. И. Новиковой и А. Г. Осипова. М., 1997, 193–200; *он же*. Суд по адату в дореволюционном Дагестане (1860–1917) //

ЭО. 1999, 2, 31–45; *он же*. Обычай, право, насилие у северокавказских мусульман (очерки по юридической антропологии Нагорного Дагестана XIX–XX вв.). М., (в печати); *А. И. Першиц*, *Я. С. Смирнова*. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Общественные науки и современность. М., 1998, 1, 81–88; *И. Л. Бабич*. Эволюция правовой культуры адыгов (1860–1990-е годы). М., 1999; *Y. Bobrovnikov*. Common Law Transformation in Collective Farms of the Caucasus // RSS Network Chronicle, 1999, 7, 25–26.

В. Б.

ал-Андарсбани, 'Абд ас-Салам б. Мухаммад ал-Хиджи ал-Хваризми (ум. в последней четверти XII в.) — широко образованный хорезмийский ученый-ханафит, симпатизировавший му'тазилитам, школа которых занимала прочные позиции в Хорезме. Сведений об ал-А. в источниках обнаружить не удалось, однако сохраняющаяся часть его биографического словаря позволяет представить творческую биографию этого ученого.

Родовое гнездо семьи ал-А. — селение Андарсбан (в Хорезме). У деда ал-А. по матери какого-то время учился ставший впоследствии знаменитым филологом и комментатором Корана Абу-л-Касим аз-Замахшари ал-Хваризми (ум. в 1144 г.). В свою очередь, сам ал-А. в 1138 г. явился к аз-Замахшари, желая у него учиться, но тот отговорил его. Тем не менее семья ал-А. сохраняла близкие отношения с аз-Замахшари.

В 1150–51 г. во время *хаджжа* ал-А. остановился в Рее, у верховного судьи (*жади ал-кудат*) Мухаммада б. ал-Хасана ал-Астарбади, у которого он записывал *хадисы*, там же он посетил могилу известного теолога-му'тазилита и *факиха-шафи'ита ал-кади* 'Абд ал-Джаббара (ум. в 1025 г.) и «благословился» написанными рукой покойного вакфными распоряжениями. Тогда же ал-А. посетил в Багдаде могилу седьмого ши'итского *имама* Мусы ал-Казима (ум. в 799 г.), в Джабал-Табараке — могилу авторитетнейшего *имама* ханафитов Мухаммада аш-Шайбани (ум. в 804–05 г.), в Медине — могилу главы-эпонима маликитов Малика б. Анаса (ум. в 795 г.). Кроме того, он был в Асадабате, неоднократно — в Хамадане, где учился у *хафиза* Абу-л-Фадла ал-Хамадани, в частности по его книге *Китаб ат-тамхид фи ма'рифат ат-таджвид* («Введение в изучение рецитации Корана») и по собранию *хадисов* (ал-Джами' ас-сахих) ал-Бухари, делал «выписки» и «выборки» из сочинений других авторов.

Творческая деятельность ал-А. проходила в Гургандже — главном городе Хорезма в общении с учениками упомянутого аз-Замахшари, занимавшими почетное положение в обществе, о чем свидетельствуют их титулы — *шайх ал-кудат*, *садр аш-шари'а*, *садр ал-а'имма* и т. д. Одним из его учителей-наставников был любимый и преданный ученик аз-Замахшари, Муваффах ал-Макки (ум. в 1172 г.) — известный оратор, руководивший проповеднической службой в соборной мечети, *факих*, литератор, поэт. Тесные отношения были у ал-А. с другим титулованным